

31 мая—1 июня 1909 г.

Обозръніе ТЕАТРОВЪ

Ежедневная газета съ программами
и либретто с-петербургскихъ театровъ

№ 745—746.

Таврическій садъ.

„Ивановъ“—Чехова.

Драматическая труппа попечительства о народной трезвости начала „пахать“ Чехова. Очень любопытное явленіе. Пьеса настроеній и подулновъ въ рукахъ артистовъ, воспитанныхъ на „Суворовъ“, „Севастополь“, и т. п. шапкозакладной и барабанной драматургіи. Скорѣе можно было представить себѣ слова, принимающаго пищу изъ чайной ложечки, чѣмъ г. Скарятинъ въ роли рыхлаго чеховскаго Иванова или г-жу Райдину въ образѣ тихо тающей отъ душевной обиды, Сарры.

Съ такимъ предубѣжденіемъ и отравился въ Таврическій садъ смотрѣть „Иванова“.

Чеховъ — лучший экзаменаторъ и незамѣнимая школа для актера. Актеру, призванному актеру необходимо одновременно и жить и дѣйствовать на сценѣ. Трудъ тяжелый, но удача въ этомъ трудѣ чрезвычайно благодарна. И Чеховъ пришелъ на помощь актеру. Своими пьесами онъ даетъ актеру возможность сначала выучиться *жить на сценѣ*, не требуя одновременнаго *дѣйствія*. Овладевъ техникой жить на сценѣ въ пьесахъ Чехова, актеръ, съ темпераментомъ, конечно, легко сможетъ соединить ее въ другихъ пьесахъ съ *дѣйствіемъ* и, такимъ образомъ, достигнуть идеала.

Для артистовъ Народнаго дома задача исполненія Чехова нѣсколько усложнена тѣмъ, что они давно выучились *дѣйствовать* на сценѣ, не умѣя жить на ней—въ этомъ собственно говоря, и весь недостатокъ труппы народныхъ сценъ. Варябанная драматургія и сердцещипательныя мелодрамы приучаютъ артистовъ „работать“ на сценѣ: отравляться, стрѣляться, убивать, рыдать и радоваться, прикалывать и покоряться, плакать и смѣяться, словомъ, дѣлать все то, что называется сценическимъ *дѣйствіемъ*.

Но къ тому сложному *бездѣйствію на сценѣ*, въ которомъ должно чувствовать сугубое дѣйствіе—внутреннее, душевное тревоженіе, такое душевное смятеніе, которое порождаетъ меланхолію, апатію, атонію воли, совѣсти и чести при лучшихъ порывахъ, какъ у Чеховскихъ героевъ,—отъ всего этого народный репертуаръ отучаетъ.

Тѣмъ пріятнѣе я былъ пораженъ, увидѣвъ на сценѣ Таврическаго сада въ чеховской пьесѣ *живущихъ людей* безъ претензій дѣйствовать, дѣйствовать *то* что бы то ни стало, какъ обыкновенно, къ тому стремятся артисты Народнаго дома.

Наибольшую способность быть жизненнымъ, простымъ, естественнымъ, а не „играющимъ“, по моему обнаружилъ исполнитель второстепенной роли Лебедева г. Шабельскій, ни разу не впаавшій въ театральность и выдержавшій до конца реальный тонъ. Въ его лицѣ чеховскій репертуаръ имѣетъ, очевидно, еще хорошаго Сорина, Пыцкиа и, пожалуй, Кулыгина. Въ его простой передачѣ чеховское *temperamento* морѣ выраженное словомъ „окольтвацца“, тогдашнее сдѣланное монолога „быть или не быть“.

Вторымъ по выдержанности простоты и жизненности я поставилъ бы г. Розень-Санина, изображавшаго сѣятельнаго приживала графа Шабельскаго—однофамильца актера, игравшаго роль Лебедева. Г. Розень-Санинъ изображаетъ злосчастнаго графа именно такимъ, какимъ онъ выписанъ у Чехова—опустившимся хамомъ, какимъ-то граммфономъ въ области идей, желаній, нуждъ, то благороднымъ, то подлымъ, то идеалистомъ, то пошлякомъ, но при всемъ томъ человѣкомъ, такъ сказать, породистымъ, съ чуткой душой. Г. Розень-Санинъ нашелъ для этого типа очень подходящій, какой-то эвксъ-графскій гриммъ, соответственно позировалъ, и жестикулировалъ, словомъ былъ и типиченъ и правдивъ.

Главную роль игралъ г. Скарятинъ. Это была менѣе выдержанная игра, менѣе чеховская, но и съ такимъ Ивановымъ можно мириться, если не мечтать объ идеалѣ. Какъ у даровитаго актера, у г. Скарятинъ были безупречныя сцены, какъ напримѣръ, сцены въ 3-мъ актѣ съ Лебедевымъ, докторомъ Боркинымъ, но финальная сцена съ Саррой уже не удалась ему. Здѣсь онъ не возбуждалъ ни жалости, ни сочувствія. Онъ не *страдалъ* отъ незаасуженныхъ упрековъ Сарры, а *возмущался* ими, что есть большая ошибка. Исполнитель Иванова долженъ въ 3-мъ актѣ показаться, какъ всѣ поочередно треплютъ его душу и этимъ, только этимъ, вызывать къ себѣ сочувствіе зрителя. Въ сценѣ съ Саррой г. Скарятинъ точно старался перекричать несчастную женщину, что симпатіи уже не можетъ вызвать. Еще не были соблюдены имъ паузы въ этомъ объясненіи съ обиженной женской душой, отчего пропала роковая реплика „жидовка!“

Сарра—г-жа Райдина. И она, эта актриса мелодрамы, выдержала съ честию чеховскій экзаменъ. Она была достаточно трогательна, а, главное, достаточно тиха для женщины, основная черта которой есть способность жертвовать всѣмъ для любимаго человѣка. Самъ Чеховъ не далъ Саррѣ много словъ, слѣдовательно, она и должна быть изображена съ налетомъ смиренія и тихой грусти.

Г-жа Соколовская, врядъ ли подходитъ для роли идейной Сашеньки въ цѣломъ, но отдѣльные мѣста, напр., во 2-мъ актѣ защитительный для Иванова монологъ она передала достаточно просто и искренно.

Отмѣчу еще довольно рѣзкого, нѣсколько водевильнаго, но все же правдиваго Боркина въ исполненіи г. Бойкова и толковая передача роли притворнаго честнаго доктора Львова г. Чарскимъ.

Въ общемъ спектакль оставилъ на меня, впечатлѣніе спектакля хорошаго драматическаго театра, достойнаго большаго вниманія со стороны прессы, чѣмъ пользуется драма попечительства. Поставлена и обставлена пьеса очень тщательно г. Ратовымъ.

И. Осиповъ.